

заклікала (ж. р.) *Беларусь увесці мараторый на смяротнае пакаранне*; *Пра гэта рэктар* (м. р.) *паведаміла* (ж. р.) *БелаПАН*; *Маім гідам у манікюрны свет стала* (ж. р.) *маладая* (ж. р.) *майстар* (м. р.) *Алеся* (Белорусский национальный корпус).

Таким образом, устранение гендерной асимметрии в исследуемых языковых сообществах достигается благодаря использованию двух антагонистичных стратегий: «гендерной нейтрализации» в современном англоязычном дискурсе и «гендерной идентификации» в белорусскоязычном и русскоязычном дискурсах. Указанные стратегии сопряжены с целым рядом семантических, грамматических и прагматических особенностей единиц, используемых для обозначения референтов разных полов, и должны учитываться при обучении данным языкам как иностранным.

Л. М. Якубёнок

МОДАЛЬНОСТЬ НЕРЕАЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ УБЕЖДЕНИЯ (на примере немецкоязычных адвокатских речей)

Убеждение – словесное воздействие на людей, изменение их знания, мнения в нужном ключе. Речь адвоката направлена на убеждение судей в невиновности подсудимого или оправдание его действий, и для достижения данной цели адвокат применяет разнообразные языковые способы и приемы. Одним из способов убеждения является перенос содержания высказывания в нереальный план.

Модальность нереальности – это компонент категории модальности, одно из объективно-модальных значений наряду с модальностью реальности, возможности, необходимости. Суть данного модального значения состоит в выражении отношения высказывания к действительности, а именно определении явлений и событий, описанных в пропозиции, как нереальных, не сбывшихся или не осуществимых.

Основным средством выражения модальности нереальности является сослагательное наклонение. Значение нереальности передают также модальные глаголы. Их основному значению – возможности, необходимости, разрешению, долженствованию – сопутствует значение неосуществленности действия, которое они описывают, т.е. его нереальности. Значение нереальности могут также иметь некоторые лексические единицы с соответствующей семантикой, однако в данном случае речь идет скорее о лексическом значении ‘нереальность’, чем о модальном значении высказывания.

Рассмотрим несколько приемов убеждения, реализуемых основным средством модальности нереальности – конъюнктивом II.

Так, убеждение слушающих в том, что действия подзащитного были правильны, может осуществляться приемом «от противного», например:

*Wenn den Tochtergesellschaften **mitgeteilt worden wäre**, dass der Cashpool gekündigt sei, ohne eine Ersatzlösung anzubieten, **wäre dies als Untergangssignal aufgefasst worden**, und es **hätte die Gefahr bestanden**, dass die Tochtergesellschaften **begonnen hätten**, eigene Lösungen zu suchen, wodurch das Chaos **ausgebrochen wäre**.*

В приведенном фрагменте при помощи форм конъюнктива II представляется потенциально-возможное положение дел, а именно отрицательные последствия иного, воображаемого образа действий подсудимого, чем и оправдываются его реальные поступки.

Нереальная модальность, выраженная конъюнктивом II, в сочетании с оценочными средствами может служить выражению общей положительной оценки обвиняемого, например:

*Sie spielte in der kurzen Zeit ihrer Tätigkeit eher die Rolle der Cassandra, als dass sie irgendetwas **schöngefärbt hätte**.*

Нереально-сравнительное предложение с конъюнктивом II ‘ничего не приукрашая’ служит в данном фрагменте убеждению в том, что обвиняемой присущи правдивость и прямолинейность.

Желая убедить адресата в благих намерениях обвиняемого, адвокат при помощи средств модальности нереальности указывает на его ожидание положительного результата, что должно его оправдать, например:

*Die Höhe des Vorschusses war realistisch, und mein Mandant **konnte und durfte damit rechnen**, dass Arbeiten mindestens in der Höhe des Vorschusses **anfallen würden**.*

В данном примере при помощи формы кондиционалиса *anfallen würde* выражается убедительная мысль о том, что расчеты подсудимого, его чаяния и предположения были верны.

Кроме приемов, направленных на убеждение в правомерности действий обвиняемого и создание его положительного образа, нереальная модальность способствует убеждению в несостоятельности тезисов противника. Один из таких приемов – «сведение к абсурду». Суть его в том, что утверждаемое оппонентами положение дел должно иметь последствия, идущие вразрез со здравым смыслом и реальным положением дел, например:

***Wäre** der Vorschuss seine eigene Idee gewesen, **hätte** er sich im Fax gegenüber Frau Anderegg nicht auf dieses Telefonat **bezogen**. Und selbst wenn man entgegen den Aussagen meines Mandanten annimmt, es sei seine Idee gewesen, **hätte** er diese zunächst am Telefon mit Frau Anderegg **besprochen haben müssen**, denn ansonsten **hätte** mein Mandant gar **nicht erfahren dürfen**, dass Homburger ebenfalls einen Vorschuss verlangt hatte. Dies konnte ihm nur Frau Anderegg mitteilen.*

В данном фрагменте нереально-условные предложения, выступающие друг за другом в повторе, способствуют логичному и убедительному доказательству, что выдвигаемое прокуратурой обвинение несостоятельно и беспочвенно.

Нереальная модальность в сочетании с риторическим вопросом также служит убеждению в несостоятельности тезисов оппонента, например:

*Die Staatsanwaltschaft erklärt uns nicht, weshalb die Angeklagte eine solche getarnte Zahlung **denn** überhaupt **hätte anordnen sollen**? Was **hätte sie davon gehabt**?*

В приведенном примере утверждаемое обвинителями положение дел подвергается сомнению, недоверию благодаря использованию конъюнктива II в рамках риторического вопроса.

Адвокат также убеждает судей в недостаточности обвинения, указывая на то, что обвинители не реализовали все возможности для сбора доказательств, например:

*Hat die Staatsanwaltschaft abgeklärt, welche Klienten mein Mandant vor der SAir betreute, wie es ihre Pflicht gewesen **wäre**? Sie **hätte feststellen können**, dass mein Mandant über eine grosse Anzahl international tätiger Grosskonzerne als Klienten verfügte, die er bereits vor seinem Wechsel zu SAir zu seinen Klienten zählen konnte.*

Нереализованная возможность, выраженная в данном примере формами конъюнктива II, модальным глаголом *können* и риторической вопросно-ответной группой, сопряжена с такими негативными смысловыми оттенками, как порицание, напоминание и упрек.

Анализ примеров позволяет сделать вывод о том, что конъюнктив II как основное средство выражения модальности нереальности в процессе убеждения реализует свой смысловой и прагматический потенциал различным образом. Приемы убеждения с использованием модальности нереальности в адвокатской речи могут служить как оправданию действий подзащитного, так выражению негативно заряженных смыслов, таких как упрек, недоумение, порицание, осуждение, нацеленных на убеждение в несостоятельности обвинения.

В завершении нужно отметить, что модальность нереальности гибко вплетается в целый арсенал языковых средств и способов воздействия на адресата. Ее особая прагматическая ценность заключается в том, что вынесение фактов, суждений и действий участников процесса в нереальный план обладает не явной, тонкой, но, возможно, поэтому более сильной убеждающей способностью.